

БАУШОВ Руслан Борисович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID: 1103527

BAUSHOV R.B., Postgraduate Student of Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ГОРОДА КУРСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

PROTEST MOVEMENT IN THEOLOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE TOWN OF KURSK AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. Целью статьи является определение степени участия воспитанников духовных учебных заведений города Курска в протестных движениях в Российской империи в начале XX века.

На основе архивных материалов анализируется история протестного движения в духовных учебных заведениях города Курска.

В целом протестное движение семинарий в начале XX века изучено довольно широко и в масштабах страны, и регионально, но локальное участие духовных учебных заведений г. Курска в этом процессе не исследовалось.

В данной работе раскрыта степень участия воспитанников Курской духовной семинарии и Курского епархиального женского училища в протестных движениях духовных учебных заведений в начале XX века.

Ключевые слова: духовное образование, Курская духовная семинария, Курское епархиальное женское училище.

Abstract. The purpose of the article is to determine the participation degree of students of theological educational institutions of the town of Kursk in protest movements in the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

The analysis of the history of the protest movement in theological educational institutions in Kursk is based on archival materials. The author emphasizes that in general, the protest movement in seminaries at the beginning of the 20th century is studied quite extensively nationwide and regionally, but the local participation of theological educational institutions in Kursk remains unexplored.

As a result, the author reveals the participation degree of the students of Kursk Theological Seminary and Kursk Women's Diocesan School in the protest movements in theological educational institutions at the beginning of the 20th century.

Keywords: theological education, Kursk Theological Seminary, Kursk Women's Diocesan School.

ВВЕДЕНИЕ

В наше время церковь отделена от государства, но в силу современных событий можно заметить потеплевшее отношение к ней со стороны государства. Это выражается в посещениях руководителями страны и регионов православных храмов, монастырей, цитировании Священного Писания. Церковное руководство отвечает на это взаимностью, вознося за богослужения молитвословия «о властях и воинстве». До Великой Октябрьской революции церковь являлась одной из опор государственного строя, но, несмотря на это, в духовных учебных заведениях складывалась атмосфера противостояния существующему строю. В изучении этого явления видится актуальность данной статьи, потому в ней исследуются биографические данные семинаристов, изучается возникновение и эволюция требований учащих духовных учебных заведений города Курска в начале XX века, прослеживается их возникновение, оценивается значение протестного движения курских духовных учебных заведений в общем протестном движении семинарий.

Исследованию протестных движений в духовных учебных заведениях конца XIX – начала XX века посвящено немало работ. Зачастую они представляют обобщённую историю протестного движения центральных семинарий либо ярких региональных духовных учебных заведений. Некоторую информацию по данной теме можно почерпнуть и у исследователей студенческого движения светских учебных заведений, а также у исследователей первой русской революции. Среди них можно отметить Б. В. Татлинова, О. Д. Попову, А. Д. Попову, А. Г. Евдокимову, Д. В. Прахта, Т. А. Павленко и др.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Последнюю четверть XIX – начало XX века можно охарактеризовать как период, в который протестное движение захватило как гимназии и университеты, так и духовные школы по всей стране. Революционным духом были охвачены не только семинарии, но и епархиальные женские училища. Выступления в Казанской, Санкт-Петербургской, Московской духовных семинариях были наиболее заметными. Сходки в классах других семинарий с выдвижением требований или в знак поддержки нашли отображение в воспоминаниях семинаристов. К наиболее известным из них можно отнести И. В. Джу-гашвили, А. И. Микояна, Н. И. Подвойского, С. В. Петлюру, В. И. Дзюбинского, М. В. Новорусского, М. Ф. Грачевского, Д. Т. Буцинского и многих других. Они являлись представителями разных семинарий страны: Тифлисской, Армянской, Черниговской, Полтавской, Камнец-Подольской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Курской и т. д. Перечень видных революционных деятелей с семинарским прошлым даёт понять, что революционным духом была заражена не только студенческая, но и семинарская среда. Парадоксально, но «у семинаристов составилось понятие о студентах, как о каких-то идеалах честности, благородства, гуманности» [19, С. 126], хотя подобные идеалы должны были воспитываться в семинарской среде. Тем не менее, имея такое представление о студенчестве и попадая в её среду, семинаристы легко впитывали революционные идеи.

К концу XIX – началу XX в. в семинарской среде наблюдаются сначала разрозненные, а затем более организованные выступления. Об организованности и зарождающейся централизации действий говорит общность требова-

ний, выдвигаемых разными семинариями. Это, прежде всего, требования, связанные с изменениями в учебном процессе, улучшением бытовых условий, отменой сословности при обучении в семинарии. Семинаристы настаивали на том, чтобы в учебном процессе были разделены богословские предметы и общеобразовательные. Причем программа общеобразовательных предметов должна включать достаточное для поступления в высшее светское учебное заведение количество предметов. Требовали предоставить право поступления в семинарии всем сословиям без ограничения, равно как и дать возможность выпускникам поступать в светские высшие учебные заведения независимо от сословия и разряда. Семинаристы выступали за расширение библиотечного фонда с включением в него всех разрешённых цензурой книг, а не только необходимых для учебного процесса, за введение товарищеского суда и разрешение присутствовать учащимся семинарии на педагогических советах. Таковы были общие для семинарий требования, но они немного разнились в зависимости от региона. Так, например, в кавказских семинариях Тифлиса и Кутаиси, наряду с этими требованиями, высказывались и националистические. Тифлисские семинаристы были против обучения в семинарии русских и осетинских воспитанников, требовали ввести изучение грузинской словесности и литературы, ввести преподавание предметов на грузинском языке [21, С. 70]. В Кутаисской семинарии националистические настроения пошли намного дальше. С началом Русско-японской войны семинаристы Кутаиси организовывали демонстрации в поддержку Японии. В результате такого настроения среди семинаристов Священный Синод принял решение закрыть семинарию в Кутаиси [21, С. 88].

Выступления с общесеминарскими требованиями начались ещё в 1899–1900 годах в Волынской, Томской, Тульской духовных семинариях. Эти выступления сначала были разрозненными. В Курской семинарии в мае 1902 года также наблюдались небольшие беспорядки, вызванные соучастием в деятельности более активных семинарий, таких как Казанская, Нижегородская, Тифлисская. Реакцией на эти требования курских семинаристов была напутственная речь ректора семинарии протоиерея Иакова Новицкого. В своем выступлении он дал выпускникам семинарии три совета:

1. Осторожно пользоваться данной свободой и не видеть смысла жизни во «внешних благах».
2. Не уклоняться от священнического служения, так как родились в семье духовенства и этот путь уже предначертан.
3. Продолжать самообразование [9, С. 542].

В этих наставлениях видно желание начальства внушить семинаристам покорность тем правилам, что существовали в обществе, среди которых – сословность учащихся в семинариях, отсутствие возможности у выпускников поступить в светское учебное заведение. Попытки семинаристов что-то изменить трактуются как стремление к «внешним благам».

Если требования, которые выдвигали семинаристы с 1899 по 1904 год, касались в большей степени изменений в учебном процессе, улучшения условий быта и независимости семинаристов от начальства, то к 1905 году в них всё более стали замечаться политические веяния, вектор повернулся к смене существующего строя, к свержению царской власти. Стали возникать внутрисеминарские организации, которые имели центра-

лизованное управление, впоследствии вылившееся во Всероссийский общесеминарский союз. Центрами деятельности союза были последовательно Казань, Владимир, Вятка. Союз был настолько активен, что привлёк внимание жандармерии. Снизить активность работы общесеминарского союза стало возможно только после ареста самых активных его членов в Вятке в мае 1907 года. Дальнейшая деятельность бунтующих семинарий проходила уже не так активно и к 1908 году практически затихла.

Январские выступления 1905 года в Санкт-Петербурге нашли свой отклик в регионах, волной цунами распространяясь по стране. Не обошли они стороной г. Курск и Курскую духовную семинарию. «В Курске 12 февраля произошли антиправительственные беспорядки. Вышедшие на уличную демонстрацию учащиеся духовной и учительской семинарии, гимназисты подверглись разгону полицией и черносотенцами, что вызвало негодование среди населения» [8, С. 25]. Средние учебные заведения были временно закрыты. Реакцией на действия полиции и черносотенцев было собрание родителей и педагогов, на котором родители, выступая в защиту своих детей, решили поддержать их требования легализации сходов, необязательного посещения храмов, педагогам рекомендовалось более гуманное отношение к учащимся.

Брожения среди семинаристов не утихли ни после выпускных экзаменов, ни после летних каникул. С началом учебного года вновь начались семинарские бунты. «Ввиду нежелания учеников спокойно продолжать учение» с 9 октября 1905 года в Курской духовной семинарии временно прекращены занятия [1, С. 9]. Закрытие учебных заведений не являлось требованием семинаристов, зачастую такие меры предпринимались администрацией

учебных заведений для того, чтобы прекратить бунты, не дать возможности коллективного общения семинаристам, их массовым собраниям. Очень часто лица, желающие организовать митинги или демонстрации, использовали массовые собрания людей, всевозможные съезды, сходки зачастую аполитизированных организаций с целью пропаганды своих идей, возмущения народа и увлечения за собой. Несмотря на то, что в Курской семинарии волнения прошли сравнительно спокойно, политический след в них явно прослеживался.

По материалам ГАКО за 1905–1906 годы Курским губернским жандармским управлением было заведено три дела по обвинению учеников Курской духовной семинарии в хранении и распространении прокламаций революционного содержания. Дело по обвинению семинариста Шевченко К. В. было возбуждено 21 августа 1905 года, он был обвинен в распространении прокламации партии эсеров. Дело по обвинению семинариста Булгакова Б. П. было возбуждено 24 марта 1906 года, он также был обвинен в распространении прокламации партии эсеров. Дело по обвинению семинариста Коваленко Г. С. о распространении революционной прокламации было возбуждено 8 апреля 1906 года.

Семинаристы были обвинены по статьям 121, 132 и 130 Уголовного уложения от 1903 года, в которых осуждены действия «виновных в неоставлении публичных скопищ, от которых потребовано было полицейской властью, чтобы они разошлись», в «распространении или сочинении учений, подвигающих к бунтовществу или низвержению существующей власти».

Так, семинарист Шевченко Константин Васильевич был переведен во второй класс Курской духовной семинарии по первому разряду,

числился среди лучших учащихся [10, С. 14]. Константин был схвачен 30 августа 1905 года во время митинга, который начался в слободе Борисовка Грайворонского уезда после съезда официального общества вспомоществования учащим и учащимся. В митинге участвовало до 500 человек, толпа сначала пела «Боже, царя храни», а затем – революционные песни. Впоследствии начались беспорядки, были выбиты окна в доме священника, в усадьбе графа Шереметьева, поломаны заборы, разбита винная казённая лавка, из которой украдено 50 вёдер вина. После полуночи толпа разошлась, а на столбах были обнаружены листовки крестьянского союза партии социалистов-революционеров с призывами к смене царской власти [3, С. 6]. Константин Шевченко был обвинен в пении революционных песен по статье 121 Уголовного уложения, согласно которой ему грозило до трёх лет заключения в крепость или тюрьму [22, С. 217].

Семинарист Булгаков Борис Петрович, сын священника, был переведён в четвёртый класс Курской духовной семинарии по второму разряду [10, С. 9]. Борис Булгаков был арестован 24 марта 1906 года после обыска. При обыске в квартире семинариста было найдено около 400 единиц прокламаций партии социалистов-революционеров с антиправительственным содержанием. Был отпущен под залог в 300 рублей, внесённый его отцом. В ходе расследования в деле появляются новые личности, и оно объединяется с делом о военной организации в городе Курске [4, С. 20]. Несмотря на такой серьёзный поворот, Борис Булгаков был обвинён по статье 132 Уголовного уложения в хранении пропагандистской литературы, согласно указанной статье ему грозило до трёх лет заключения в крепость [22, С. 240].

Семинарист Коваленко Григорий Семено-

вич был переведён в пятый класс Курской духовной семинарии по второму разряду [10, С. 6]. Григорий Коваленко был арестован 8 апреля 1906 года после обыска. При обыске у него найдены противоправительственные прокламации. Его вина усугублялась тем, что он не просто хранил запрещённую литературу, а давал её читать крестьянам. Поэтому к нему была применена статья 130 Уголовного уложения, согласно которой ему грозила ссылка на поселение или до трёх лет пребывания в исправительном доме. Григорий был отпущен под залог в 500 рублей [6, С. 8 об.].

Об участии семинаристов в беспорядках доносилось руководству семинарии. Зачастую ставился вопрос об их отчислении, помешать которому могло ходатайство родственников. Шевченко Константин не был отчислен и находится в списке обучающихся третьего класса в 1906 году [14, С. 374]. Булгаков Борис также переведён в пятый класс [14, С. 371]. Коваленко Григорий переведён в шестой класс [14, С. 370]. Борьба семинаристов за свои права и свободы, за удовлетворение своих требований обратила на себя внимание и имела свои последствия. 3–4 ноября 1905 года в городе Курске был собран общепархиальный съезд духовенства с представителями от мирян. На повестке съезда стоял вопрос о «желательных изменениях в строе духовно-учебных заведений». За основу работы съезда были взяты предложения по реорганизации духовно-учебных заведений, разработанные педагогическим советом Курской духовной семинарии, постановления 2-го благочиннического округа Тимского уезда о желательных и необходимых изменениях в духовно-учебных заведениях, докладная записка воспитанников Курской духовной семинарии об изменениях в строе учебного заведения и о праве поступления семинаристов в высшие

учебные светские и духовные заведения.

Итоги работы съезда можно коротко изложить в следующих положениях:

- Признать желательным полное отделение богословских курсов от общеобразовательных с оставлением в курсе общеобразовательном только тех богословских предметов, которые необходимы вообще для правильного понимания христианства (священная и церковная история, катехизис, церковный устав). Для богословских курсов по возможности организовать отдельный институт. Допустить поступление в богословский институт всех желающих лиц православного исповедания, окончивших курс средней общеобразовательной школы, без различия сословий. Аналогичным образом предоставить право поступления в семинарии всем сословиям и званиям без процентного ограничения.

- Ходатайствовать о допущении воспитанников семинарии в высшие светские учебные заведения после окончания ими четырёх классов с соответствующим немедленным изменением учебных программ. Отменить переводные экзамены, кроме выпускных экзаменов 4-го и 6-го классов с отменой деления на разряды.

- Ввести выборное начало при определении ректоров, инспекторов, смотрителей и помощников духовно-учебных заведений и всего преподавательского состава с участием в выборах начальствующих и должностных лиц, представителей от духовенства, избранных епархиальным съездом. Увеличить в педагогических советах число представителей от духовенства до шести человек.

- Желательно увеличить число духовных академий и открыть свободный доступ в них воспитанникам семинарии без деления на разряды, а также женатым священнослужителям. Убрать из учебной программы Пасхалию,

Библейскую историю и греческий язык. Расширить курс истории новейшей литературы. Допустить в семинарской библиотеке наличие всех книг, разрешённых цензурой, а также выписку газет и журналов по выбору воспитанников с согласия педагогического совета. Разрешить семинаристам посещение публичных библиотек, театра, концертов, лекций, музыкальных и литературных кружков.

- Заменить принудительные методы воспитания методами убеждения в необходимости нравственного поведения. Установить товарищеский суд. Допустить уполномоченных от воспитанников к присутствию на педагогических советах в тех случаях, когда обсуждаются дисциплинарные проступки воспитанников [11, С. 13].

Конечно, некоторые решения съезда могли быть воплощены в жизнь в ближайшем будущем, а иные требовали коренных реформ в сфере духовного образования. В Священный Синод было направлено соответствующее обращение с просьбой разрешить выпускникам семинарии и воспитанникам 4-х классов поступать в новом учебном году в светские университеты наравне с гимназистами. Эта мера считалась единственно действенной в сложившейся ситуации, удовлетворив которую, можно говорить о возобновлении прервавшихся в семинарии занятий.

На этом не окончилась работа по решению семинарских проблем, тем более что некоторые из них требовали финансовых затрат, которые ложились бременем на приходы епархии. На повестку дня всех окружных по благочиниям собраний духовенства и мирян Курской епархии были внесены на обсуждение следующие вопросы:

- пополнение ученической библиотеки книгами научного и беллетристического содержания. Обустройство читальных залов с выпис-

кой периодических изданий научного и беллетристического содержания;

- улучшение освящения и отопления в общежитиях. Усиление надзора за чистотой в классах, спальнях, комнатах и других помещениях, для чего требуется увеличение количества прислуги. Приобретение чайной посуды для воспитанников, шкафов для её хранения, а также дополнительных комплектов столового и спального белья;

- улучшение аптеки лекарствами и инструментом. Выдача лекарств по рецептам семинарских врачей. Привлечение в семинарскую больницу лучших врачей, обустройство при ней собственной кухни, квартиры для фельдшера и увеличение числа служителей для больницы [12, С. 490].

В декабре 1905 года Святейший Синод опубликовал свои постановления, согласно которым воспитанникам духовных семинарий дано право поступать во все российские императорские университеты. Министр народного просвещения не установил единых правил приёма воспитанников семинарий, а отдал это на откуп руководству каждого отдельно взятого университета и даже позволил каждому факультету выработать свои требования к абитуриентам из духовных семинарий. Святейший Синод призвал в закрытых семинариях возобновить учебный процесс после рождественских каникул. В случае продолжения семинарских выступлений дано распоряжение начать учебный процесс только в следующем учебном году [13, С. 13]. В Курской семинарии занятия возобновились.

Постановления общепархиального съезда духовенства Курской епархии и мирян, прошедшего 3–4 ноября 1905 года коснулись и положения Курского епархиального женского училища. Было признано за лучшее изменить 6-летнее образование в училище на 8-летнее

и согласовать программу училища с гимназической, отменить переводные экзамены и расширить ученическую библиотеку, ввести выборы при определении начальствующих должностных лиц, воспитательского и преподавательского состава, допустить к поступлению в училище лиц всех сословий, ввести занятия по цветоводству, садоводству, огородничеству и уроки танцев, приглашать для училища врачей женского пола [11, С. 16]. Стоит сказать, что данные решения были приняты заодно с семинарскими и не подверглись глубокой проработке. Работа над ними ещё только предполагалась. Дальнейшие события покажут, что съезд двигался в нужном направлении, но своими решениями не смог удовлетворить всех запросов воспитанниц училища.

«В вихрь революционных движений были втянуты как мужские, так и женские духовные учебные заведения. В 1905–1907 гг. волнения среди семинаристов носили массовый характер и имели место в Каменец-Подольском, Вятке, Тифлисе, Рязани, Смоленске, Москве, Екатеринославле Самаре, Полтаве, Харькове, Ярославле, Саратове, Владимире, Витебске и других городах. Сведения о волнениях в женских епархиальных училищах не нашли такого яркого отражения в периодике» [18, С. 48]. Но в делопроизводстве Священного Синода есть материалы, говорящие о некоторых выступлениях среди воспитанниц женских епархиальных училищ. Приводится порядка десятка училищ из Твери, Курска, Симбирска, Архангельска, Тифлиса, Пензы, Ржева и других городов, недовольства воспитанниц в которых дошли до Священного Синода. Требования воспитанниц епархиальных училищ носили характер, аналогичный семинарским, но в них в большей степени высказывалось недовольство бытовыми условиями и администрацией училищ. Стоит отметить, что личностные вза-

имоотношения, грубость и несправедливость легко ранят подростковую душу, склонную к максимализму, поэтому недовольство администрацией женских училищ, а особенно надменностью и жестокостью начальниц и воспитательниц, описано в письмах Синоду очень красочно. Относительно Курского епархиального женского училища можно сказать, что его начальница Вера Фёдоровна Беспальчева описана как высокомерная дама, заставляющая воспитательниц целовать себе руки, этого же воспитательницы требовали по отношению к себе и от воспитанниц. Вера Фёдоровна поощряла доношительство и сквозь пальцы смотрела на грубое отношение воспитательниц к воспитанницам [20, С. 35]. Подобные нравы не могли быть изменены сиюминутно, так как воспитательницами зачастую становились сами бывшие воспитанницы.

Недовольства в Курском епархиальном женском училище высказывали воспитанницы 5-го и 6-го классов. Они были удручены теснотой в старых помещениях училища, про это знало и руководство, и ревизионные комиссии съезда духовенства, но число воспитанниц с каждым годом только увеличивалось. Были высказаны претензии в адрес начальницы училища В. Ф. Беспальчевой и некоторых воспитательниц за их грубость. В состав женского училища входил приют для необразованных сирот духовенства – великовозрастных девиц, которые исполняли роль прислуги. Эти сироты тоже приняли участи в беспорядках, так как им сложно было смириться с тем положением, что они должны были прислуживать иной раз своим же родственницам, которые в этом случае воспринимались как барыни.

Претензии воспитанницы изложили в виде петиции и подали на Совет епархиального училища. Своих дочерей решили поддержать

родители, они предали огласке проблемы женского училища, направив в 5 февраля 1906 года соответствующее письмо оберпрокурору. Впоследствии в журнале «Курские вести» (№ 13 за 1906 год), в «Курских епархиальных ведомостях» (№ 38 за 1906 год), а затем в журнале «Век» (№ 19 за 1907 год) появилось анонимное письмо от лица духовенства Курской епархии, в котором говорилось о нестроениях в Курском епархиальном женском училище, в котором обучались в основном дочери духовенства. Высказывались претензии к деятельности съезда духовенства Курской епархии, а также к начальнице училища В. Ф. Беспальчевой и к некоторым воспитателям.

На обсуждение епархиального съезда, который с 1900 по 1906 год собирался 5 раз, постоянно выносились одни и те же вопросы – о недостаточности финансирования епархиального женского училища, о ветхости имеющихся зданий, о плохих санитарных условиях из-за недостатка места, о постоянной болезненности воспитанниц, о необходимости расширения здания с 200 до 600 воспитанниц, о покупке усадеб для этого. Но череда всевозможных обстоятельств не давала осуществиться этому замыслу. Несколько лет специально выбранная строительная комиссия занималась подбором удобного места, предлагаемые варианты широко обсуждались на съездах, не всегда при этом члены съезда были единомышленниками. Необходима была обязательная резолюция съезда, так как финансовое бремя покупки усадеб ложилось на плечи Курского духовенства. После принятия окончательного решения и получения согласия хозяев усадеб выяснялось, что у них готовы не все документы, а владельцы некоторых повышали цены. Покупка усадеб снова откладывалась, и условия жизни воспитанниц оста-

вались прежними.

Вторым злободневным вопросом было взаимоотношение начальницы училища В. Ф. Беспальчевой и некоторых воспитательниц с воспитанницами, особенно «призреваемыми девицами». При Курском женском епархиальном училище существовал единственный в своём роде институт призреваемых девиц. Он состоял из взрослых девиц-сирот духовного звания, не получивших образования. Таковых набиралось ежегодно не более 20 человек. Их обеспечивали жильём, одеждой и пропитанием, а они исполняли роль комнатной прислуги. В их обязанности входило: уборка комнат, постелей, белья, прислуживание другим воспитанницам при трапезах; они носили дрова, топили печи, сушили бельё, убирали дома, шили одежду младшим воспитанницам. Даже после увеличения числа воспитанниц (более 200) и найме дополнительной прислуги отягощающих обязанностей у призреваемых девиц было настолько много, что в сентябре 1906 года они подали в Совет училища петицию с просьбой освободить их от всех работ, кроме шитья [16, С. 83].

Нестроения в Курском епархиальном женском училище не остались без внимания Учебного комитета и Святейшего Правительствующего Синода. Каждый из этих органов управления назначил своих проверяющих.

Направленный для ревизии член Учебного комитета пояснил, что такой институт призреваемых девиц не имеет никакого основания для существования и никак не прописан в уставе женских училищ. И вообще слияние училища и приюта – нонсенс, не имеющий аналогов среди училищ. Данное дело получило дальнейшее продолжение, и для ревизии Курского епархиального женского училища был направлен действительный статский советник Тихомиров. Итогом его приезда стал

Указ Его Императорского Величества на имя правящего архиерея об отделении от училища «рабочего дома для возрастных сирот духовенства» [15, С. 182].

По поводу неприемлемых условий содержания воспитанниц женского училища из-за затянувшегося строительства новых зданий училища было также принято решение на уровне Святейшего Правительствующего Синода, который поручил следить за строительством комиссиям, назначенным правящим архиереем, а не съездом духовенства. Такая мера должна была привести к скорейшей постройке новых зданий, так как съезд для решения подобных вопросов собирался раз в год, и комиссия отчитывалась перед съездом, а теперь архиерей мог непосредственно контролировать процесс постройки новых зданий [17, С. 106].

Обвинения в отношении начальницы училища В. Ф. Беспальчевой остались без последствий, как наговоры, носящие личный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя состояние духовных учебных заведений города Курска в начале XX века, можно увидеть, что учащиеся духовной семинарии и епархиального женского училища не остались в стороне от общего протестного движения того времени. В семинарском движении в начале, а в епархиальном училище и впоследствии вопросы, выносимые на обсуждение общественности, были больше не революционного, а бытового характера. В них не высказывались мысли о свержении существующей власти, а была лишь попытка обратить внимание на тяжесть условий жизни, быта, учёбы, недостаточное питание, уравнивание в правах сословий. Целью не ставилось свержение государственной власти, а было

лишь желание обратить внимание на проблемы. Но уже к 1905 году и далее в умах семинаристов всё больше появляется революционных идей, они становятся на путь социально-революционных преобразований. Стоит отметить, что ни Курская семинария, ни женское епархиальное училище не были в авангарде революционного движения, что в какой-то степени удивительно, так как в близлежащих семинариях Харькова, Воронежа, Орла проходили довольно серьёзные выступления учащихся, а харьковские семинаристы разъезжались по семинариям страны с агитацией. Тем не менее учащиеся духовных учебных заведений города Курска не остались в стороне от общего протестного движения в стране.

Библиография / References:

1. 1905 год в Курской губернии: сб. ст. – [Б. м.]: Советская деревня, – 1925. – 123 с.
2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 1–12.
3. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 5–7.
4. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 365. Л. 20.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 365. Л. 1–20.
6. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 375. Л. 8 об.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 375. Л. 1–8.
7. Евдокимова А.Г. Общие черты и местная специфика проявлений революции 1905 г. в российской провинции на типичном примере Курской губернии // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 4 (36). – С. 25–31. – EDN VAXGWR.
8. Курские епархиальные ведомости. – 1902. – № 26. – С. 539–544.
9. Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 22. – С. 1–21.
10. Курские епархиальные ведомости. –

1905. – № 39–40. – С. 3–16.
11. Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 49–52. – С. 489–493.
12. Курские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 11–13.
13. Курские епархиальные ведомости. – 1906. – № 28. – С. 368–405.
14. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 11. – С. 181–182.
15. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 82–84.
16. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 6. – С. 106–106.
17. Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX века) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 39–56.
18. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876–1882 гг.). – Т. 2. Под ред. Волка С.С. – М.: Наука. – 1965. – 472 с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 22. Л. 35.
20. Титлинов Б.В. Молодёжь и революция. 1860–1905 гг. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – 167 с.
21. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб.: Издание Н. С. Таганцева. – 1904. – 1125 с. – <https://www.litres.ru/ntagancev/ugolovnoe-ulozhenie-22-marta1903/?ysclid=lbb0vr77w1610178386> (дата обращения: 10.11.2022).
1. 1905 god v Kurskoy gubernii [1905 in the Kursk province]: sb. st. – [B.m.]: Sovetskaya derevnya, 1925. – 123s. (In Russ.).
2. GAKO (Gos. Arkh. Kursk. obl.). [State Arch. Kursk region] F.1642. Op1. D.286. L.1–12. (In Russ.).

3. GAKO. F.1642. Op.1. D.286. L.5–7. (In Russ.).
4. GAKO. F.1642. Op1. D.365. L.20. (In Russ.).
5. GAKO. F.1642. Op1. D.365. L.1–20. (In Russ.).
6. GAKO. F.1642. Op 1. D.375. L. 8ob. (In Russ.).
7. GAKO. F.1642. Op 1. D.375. L.1–8. (In Russ.).
8. Yevdokimova A.G. (2015) Obshchiye cherty i mestnaya spetsifika proyavleniy revolyutsii 1905g. V Rossiyskoy provintsii na tipichnom primere Kurskoy gubernii [Common features and local specifics of the manifestations of the revolution of 1905. In the Russian province on a typical example of the Kursk province] // Uchonyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – №4(36). – S.25-31. – EDN VAXGWR. (In Russ.).
9. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti [Kursk Diocesan Vedomosti]. – 1902. – №26. – S.539–544. (In Russ.).
10. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №22. – S.1–21. (In Russ.).
11. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №39–40. – S.3–16. (In Russ.).
12. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №49–52. – S.489–493. (In Russ.).
13. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1906. – №2. – S.11–13. (In Russ.).
14. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1906. – №28. – S.368–405. (In Russ.).
15. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №11. – S.181–182. (In Russ.).
16. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №5. – S.82–84. (In Russ.).
17. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №6. – S.106–106. (In Russ.).
18. Popova O.D., Popova A.D. (2017) Buntuyushchaya seminariya: protestnoye dvizheniye v dukhovnykh uchebnykh zavedeni-yakh (vtoraya polovina XIX – nachalo KHKH vekov) [Rebellious Seminary: Protest Movement in Theological Educational Institutions (second half of the 19th – early 20th centuries)] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №2(52). – S.39–56. (In Russ.).
19. Revolyutsionnoye narodnichestvo 70-kh godov XIX veka (1876–1882 gg.) [Revolutionary populism in the 70s of the XIX century (1876–1882)]. – T 2. Pod red. Volka S.S. – M.: Nauka. – 1965. – 472s. (In Russ.).
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive] F.802. Op.10 (1906). D.22. L.35. (In Russ.).
21. Titlinov B.V. (1924) Molodozh' i revolyutsiya. 1860-1905 gg [Youth and Revolution. 1860-1905]. – Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. – 167s. (In Russ.).
22. Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 goda [Criminal code of March 22, 1903]. – SPb.: Izdaniye N.S. Tagantseva. – 1904. – 1125s. <https://www.litres.ru/n-tagancev/ugolovnoe-ulozhenie-22-marta-1903/?ysclid=Ibb0vr77w1610178386> – (Data obrashcheniya: 10.11.2022). (In Russ.).